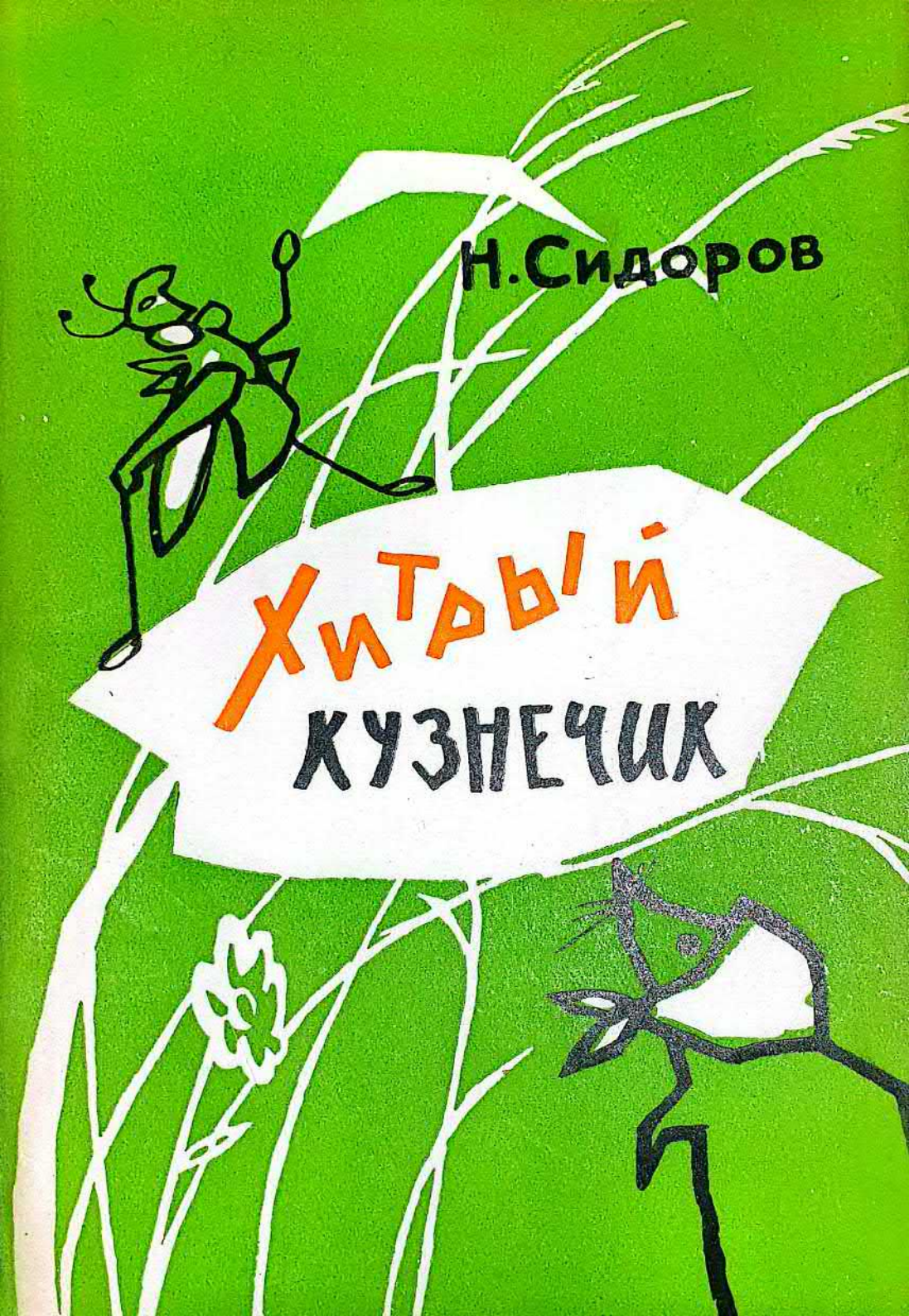

The background is a solid green color. Overlaid on this are several white, abstract, branching lines that resemble stylized grass or reeds. A black stick figure is positioned on the left side, appearing to be climbing or holding onto one of the white lines. The figure has a simple, elongated body, thin limbs, and a head with a few strands of hair. The overall style is minimalist and graphic.

Н. Сидоров

ХИТАВЫЙ
КУЗНЕЧИК

Н. СИДОРОВ

сказки

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕРХНЯЯ ВОЛГА»
1964

СОДЕРЖАНИЕ

Хитрый кузнецик	3
Ершишка-зазнайка	5
Гуси и сокол	9
Подсолнухи и солнце	12
Хвастунья-трясогузка	15
Почему козодой скворцу не поверил	21
Как утка лису вылечила	25
Олений завет	27
Гостеприимные кулики	30
Как ворона проворонила	33
Белая лилия	34
Почему еж и змея врагами стали	38
Про мух-грязнух и паука-хитреца	41
Как мыши на сову жаловались	43
Муравей и паук	46
Лесной доктор	48
Рак-модник	52
Клест и дятел	54

ХИТРЫЙ КУЗНЕЧИК Сидоров Николай Данилович

Художник Губницкий С. С.
Редактор Бальчева С. М.
Художественный редактор Поспелов В. П.
Технический редактор Леонова Л. П.

Издательство «Верхняя Волга», Владимир

Сдано в набор 1/X-63 г. Подписано в печать 15/V-64 г.
Бумага 84×108¹/₃₂ 0,9 б. л., 3,0 п. л., 2,6 уч.-изд. л.
Тираж 75000 экз. Цена 8 коп. Заказ N 6604

г. Владимир, типография областного управления по печати

ХИТРЫЙ КУЗНЕЧИК

днажды зеленый кузнецик и мышь-полевка поспорили, кто из них лучше слышит.

— Конечно, я, — расхвасталась мышь. — Кот еще только подкрадывается на мягких лапах, а я уже слышу — и прячусь.

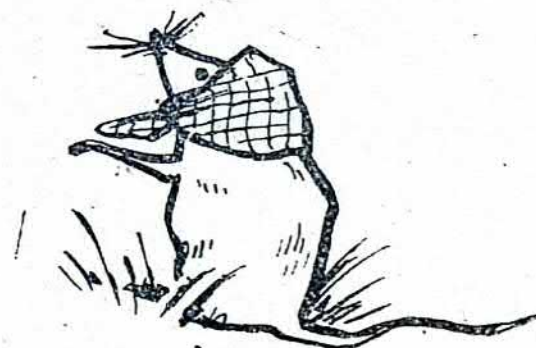
— Подумаешь, — ответил кузнецик. — Я кота даже во сне слышу.

Спорили они спорили, так ни о чем и не договорились.

— Тогда давай испытаем, чей слух лучше, — предложила мышь.

— А как? — спросил кузнецик.

— Очень просто, — пояснила мышь: — сядем и будем ждать, когда кот придет. Кто первый его услышит, у того и слух лучше. Согласен?

— Нет, не согласен, — отвечает кузнечик. — Может быть, кот и не придет. Давай так сделаем: завяжем себе головы, чтобы ушей не было видно, и пригласим соловья. Пусть он запоем, и кто первый его услышит, тот выиграл.

Так и сделали. Пригласили соловья, а сами головы завязали.

Только соловей запел, а кузнечик уже мышью в бок толкает, кричит:

— Слышу! Слышу! Про то, как светит луна, поет. Не поверила мышшь кузнечнику.

— Давай, — говорит, — я сама тебе голову завяжу. И завязала — даже глаз не видно.

Опять соловей запел, и снова кузнечик кричит:

— Слышу! Слышу! Про то, как восходит солнце, поет.

Удивилась мышшь: соловей и правда про солнце пел. Так и согласились, что кузнечик куда слухменей ее.

А он, хитрец, посмеивается про себя: «Ловко же я ее провел! Ведь уши-то у меня не на голове, а на ногах».

ЕРШИШКА- ЗАЗНАЙКА

одной речушке с тринадцатью поворотами да с тринадцатью омутами жил ершишка. Немудрящая рыбка — колючек много, мяса мало. Никто им особенно не интересовался. Даже прожорливая щука и та мимо проплывала. Жить бы да жить ершишке. Но нет. Возмнил о себе, что умнее-мудрее его во всех водах никого не сыщешь. Шумит на все омуты:

— Не то, не так! Вот я... Вот как, по-моему! Меня даже щуки боятся. Вот я вам покажу!

Запугал всех мирных рыб. Не то, что какая-нибудь плотва, солидные лещи и те от него подальше стали держаться.

А он до того разошелся, что белое черным называет, ложь за правду выдает, не стесняется.

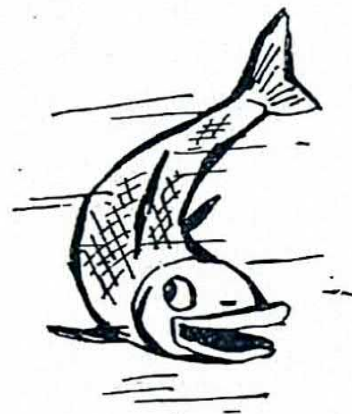
Даже пескари — приятели, вместе с которыми чужую икру поедали, — и те от него отвернулись. А он знай себе шумит, мудрость да величие свое доказывает. Не успеет кто-либо из рыб к ершовым местам подплыть, как он попрекает:

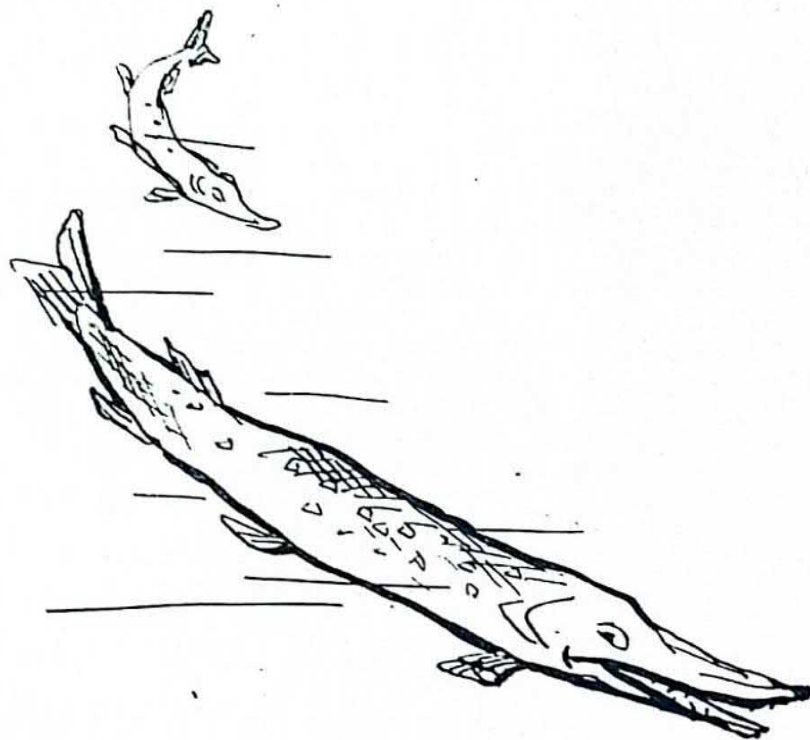
— Куда в мои воды лезешь? Тебе ли со мной общество водить! Да ты, рыбина глупая, и моего левого плавника не стоишь!

Послушает рыба — и в сторону. Что с зазнайкой поделаешь?

Долго ли, коротко ли так было — не знаем, но случилась с ершишкой беда: угодил он рыбаку на крючок.

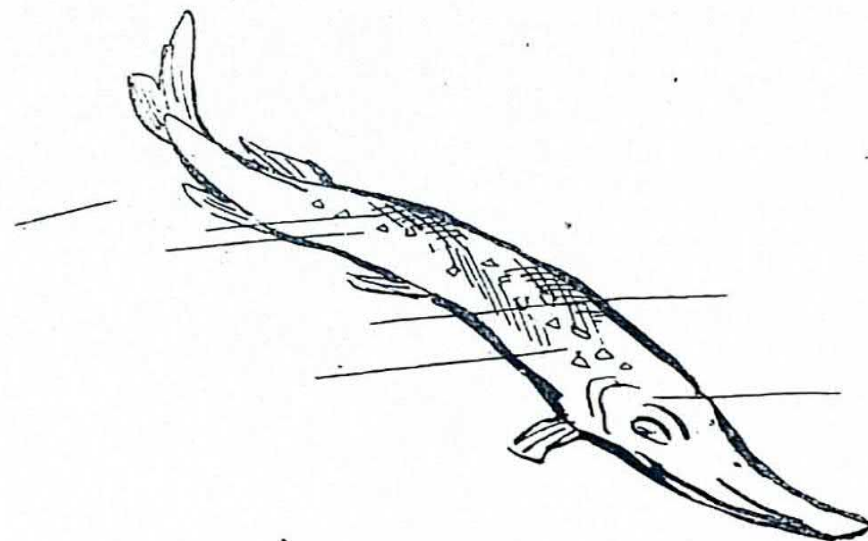
— Ишь ты, мелюзга, чуть побольше червяка, а тоже

рыба... Тьфу, — выругался рыбак. — Ну, да ладно, отнесу коту — позабавится.

Нацепил ерша на кулан и пустил в воду. Вот тут-то с зазнайки всю спесь как рукой сняло. Со стороны посмотреть и не ерш, а пеокарь безобидный. Даже колючие плавники и те обмякли.

В это время щуки свой обычный обход у берегов делали: попадется им кулан — цап, и нет у рыбака улова...

Далеко их ершишка заметил. «Вот бы ко мне приплыли, — подумал он, — помогли из беды выкрутиться». Но завидели щуки ерша. и давай мимо!

Взмолился ерш:

— Ох, милые щучки, острые зубки... Ну что вам стоит ко мне подплыть, суровую нитку перекусить?

Остановились щуки, плавниками шевелят, переглядываются.

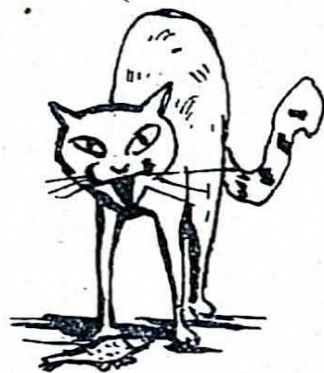
— Да ерш ли это? Ишь, какой вежливый стал. Может, помочь бедняге?

Но тут выплыл из-под коряги сом, расправил усы и пробасил:

— Вот выручите вы его из беды, а он над вами же посмеется! Да и всем нам житья не даст — захвалится, что и на кулане побывал, и людей повидал, и оттого всех важней стал.

— Верно, — сказали шуки, — если он считает одного себя умней всех, пусть сам и выпутывается. — Вильнули хвостами и уплыли.

Так ершишка-зазнайка коту и достался.

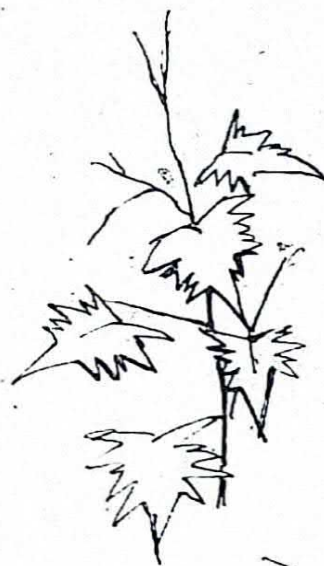
ГУСИ И СОКОЛ

ысоко-высоко летает птица сокол. Плавно кружит он под облаками, высматривая добычу. Глаза у него зоркие и ничто не ускользает от его острого, как луч солнца, взгляда.

Стремительной молнией бросается сокол к земле, завидев гуся или утку. Он сминает добычу сильной грудью и добивает отточенным клинком-клювом. Только перечеркнет небо сероватый силуэт — и вот уже бьется в крючковатых когтях птицы слабеющая жертва.

Много забот у сокола, когда в его гнезде появляются беспомощные птенцы. Завидев родителей, они вытягивают розовые рты и неумолчно пищат, требуя пищи. Сокол снижает-

ся, отдает добычу и взмывает в поднебесье сторожить новую жертву.

Но и у сокола есть враги. Когда он в небе, его птенцы беззащитны. На них нередко нападают четвероногие хищники. Они хитры и коварны. Стоит соколу подняться в небо, как они бросаются на птенцов и по ветру летят пух и перья.

Однажды сокол был на охоте. И вдруг услышал у своего гнезда громкое гоготание. Он камнем устремился вниз и подоспел вовремя. К гнезду подбирался песец. Сокол бросился на него и с яростью ударил острым клювом. Песец пробовал защищаться, но смелая птица то взмывала вверх, то вновь устремлялась на хищника. Окровавленный песец не выдержал этих ударов и убежал.

«Кто же подал мне тревожный сигнал?» — подумал сокол, устало опустившись на сухой сук. И тут он увидёл гусей. Они выжидающе смотрели на победителя.

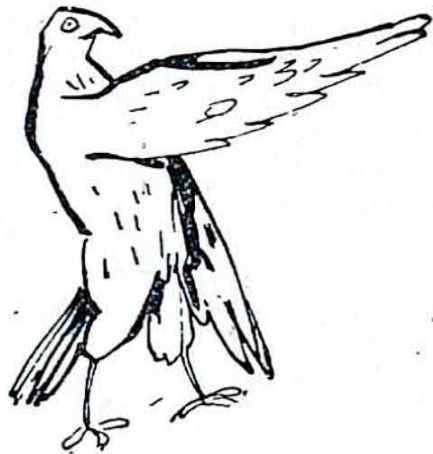
Сокол первый заговорил с птицами:

— Спасибо вам, гуси белые, не будь вас, что бы тогда стало с моими птенцами?

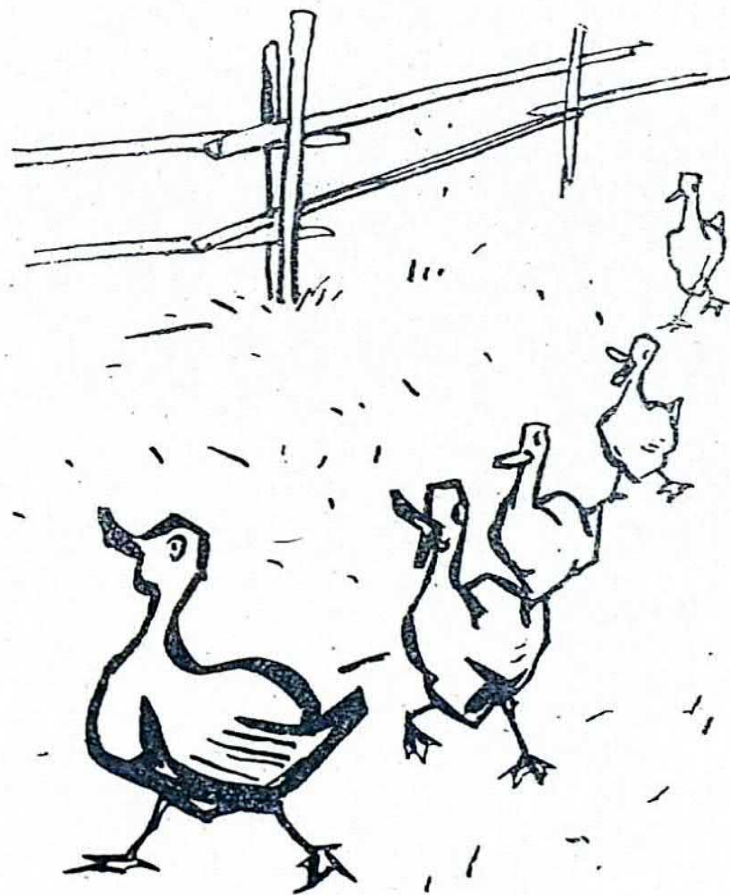
Сказав так, он подлетел к гусям:

— Отныне можете смело делать свои гнезда рядом с моим жильем. Я вас не трону. А к гнезду по земле подходите, а то в воздухе могу и не узнать.

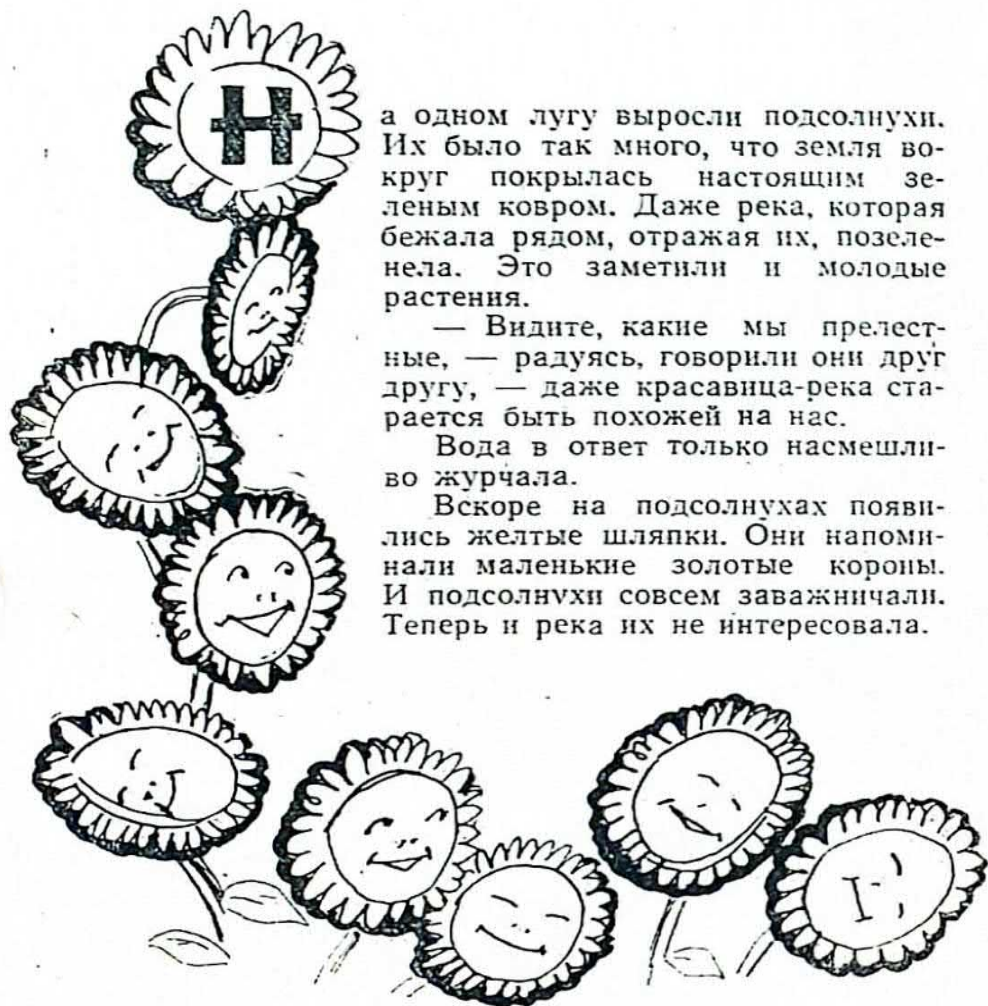
С тех пор гуси не боятся устраивать жилища возле гнезда сокола и подходят к нему только по земле. Гуси всегда извещают соседа об опасности, и он смело бросается в бой, защищая от хищников и своих птенцов, и гусей.

Сокол твердо помнит данное гусям обещание. Он не нападает на птиц, идущих по земле, и никогда не охотится возле своего гнезда.

ПОДСОЛНУХИ И СОЛНЦЕ

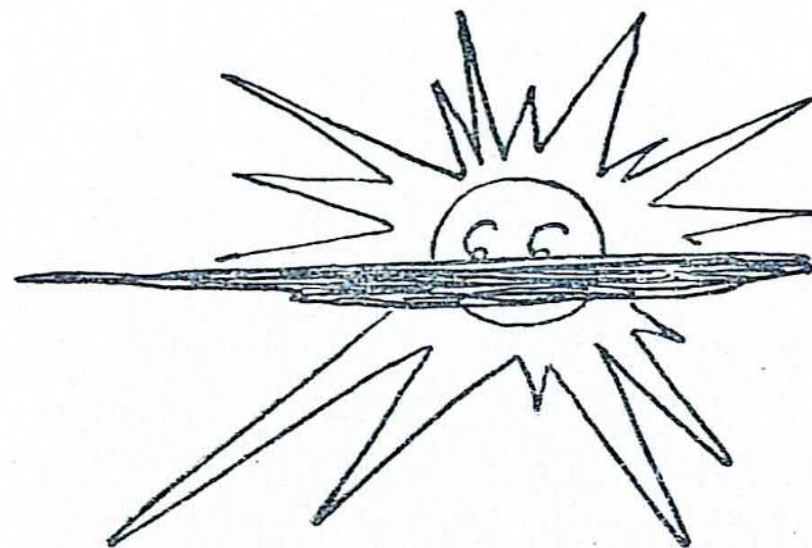

а одном лугу выросли подсолнухи. Их было так много, что земля вокруг покрылась настоящим зеленым ковром. Даже река, которая бежала рядом, отражая их, позеленела. Это заметили и молодые растения.

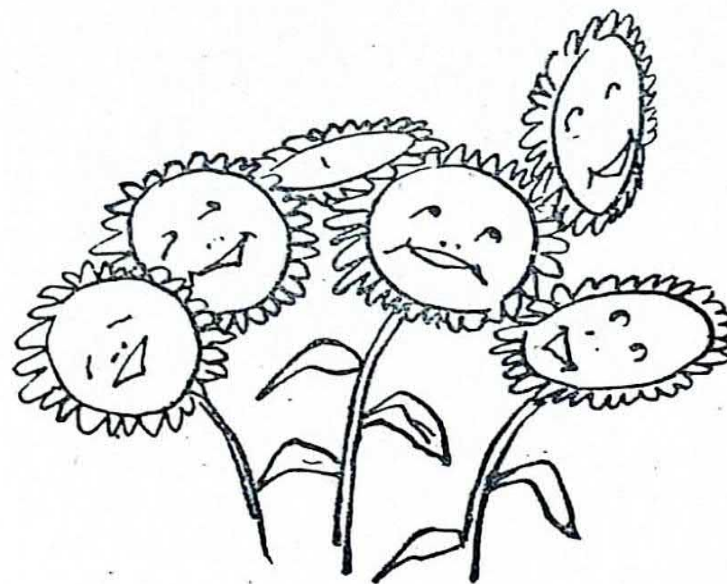
— Видите, какие мы прелестные, — радуясь, говорили они друг другу, — даже красавица-река старается быть похожей на нас.

Вода в ответ только насмешливо журчала.

Вскоре на подсолнухах появились желтые шляпки. Они напоминали маленькие золотые короны. И подсолнухи совсем заважничали. Теперь и река их не интересовала.

— Друзья мои, смотрите, — воскликнул однажды утром самый высокий подсолнух, показывая на голубое небо. — Даже солнце завидует нашей красоте. Оно одело золотую корону!

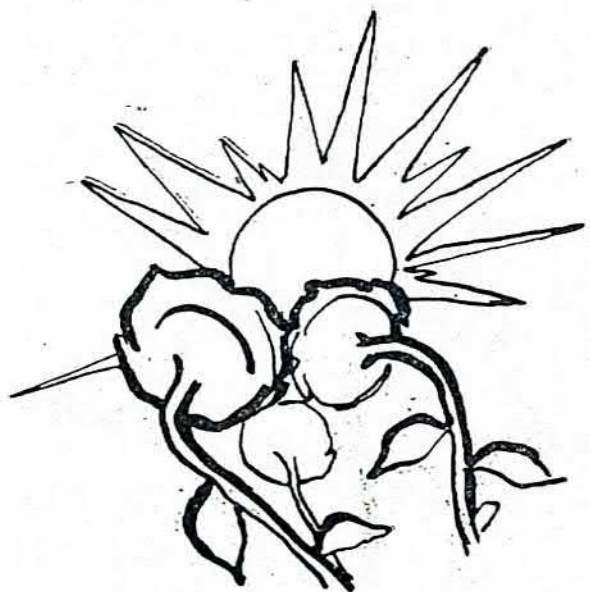
— Правда, — отозвался сосед, — теперь все будут говорить, что солнце красивое потому, что похоже на нас.

Солнцу не понравилась болтовня глупых подсолнухов, и оно скрылось за темную тучу.

Шли дни, а оно все не показывалось. Подсолнухам не с кем стало сравнивать свою красоту. И они снова вспомнили о реке. Взглянули на воду и поразились. Какой помятый и бледный вид имели их шляпки. Куда девалась прежняя красота? Но почему река, как и прежде, постаралась быть похожей на них? Вода в ней тоже была бледно-желтой, даже чуть-чуть сероватой. И тут подсолнухи поняли: они видели в ней свое отражение. «Значит и о солнце мы напраслину говорили, — подумали подсолнухи, — может быть, мы сами на него немножко похожи. Скоро ли оно покажется?»

Когда солнце, забыв обиду, вышло из-за тучи, подсолнухи увидели, как прекрасно оно, — как чудесны его радужные лучи. Жадно потянулись подсолнухи листочками к лучам солнца, и шляпки их стали вновь похожи на золотые короны.

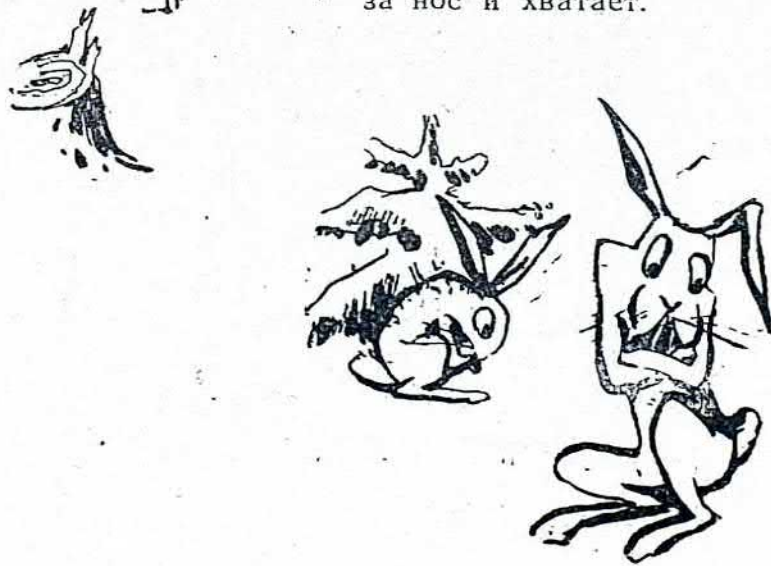
С тех пор куда бы ни двигалось солнце по небу, подсолнухи поворачивают вслед за ним свои обрамленные золотистыми лепестками головки. Может быть, поэтому они так и красивы!

ХВАСТУНЬЯ-ТРЯСОГУЗКА

лучилось это в одну из самых суровых, морозных зим. Столько снега в лесах намело, что и быстроногие зайцы с трудом по сугробам пробирались. До того мороз разгулялся, раззадорился — только треск кругом. Уж на что у белок шубки теплые, и то хоть вторую надевай. Даже лежебока медведь не выдержал: видно, сильно в берлоге мороз его за бока пощипывал. Вылез мишка на свет белый да и назад попятился. Хотя и холодно в берлоге, а наверху еще хуже, мороз так за нос и хватает.

Два дня медведь на холодной постели вертелся, маялся. А мороз пуще прежнего разошелся, днем песни поет, с метелями хороводы водит, а к ночи устанет, заберется повыше и отдувается: «Уф! У-ф-ф!»

Зверям и птицам никакого житья не стало. В норах да гнездах и холодно и голодно, запасы кончились. Что делать?

Пришли все звери и птицы к медвежьей берлоге, просят его, как самого сильного, в беде помочь, метель утихомирить, поломать зиму, прогнать мороз.

— Помог бы вам, — отвечает, — и я по теплу

соскучился, но не знаю, с какого конца-краю за это дело браться.

Тут вступилась лиса-всезнайка:

— А я знаю, с какого краю начать. Разве вы не заметили, что тепло начинается, как только лед на реке разломается? Если лед трещит — так зима бежит. Если лед плывет — так весна идет! Надо лед колоть, Мишенька, в нем вся сила зимняя!

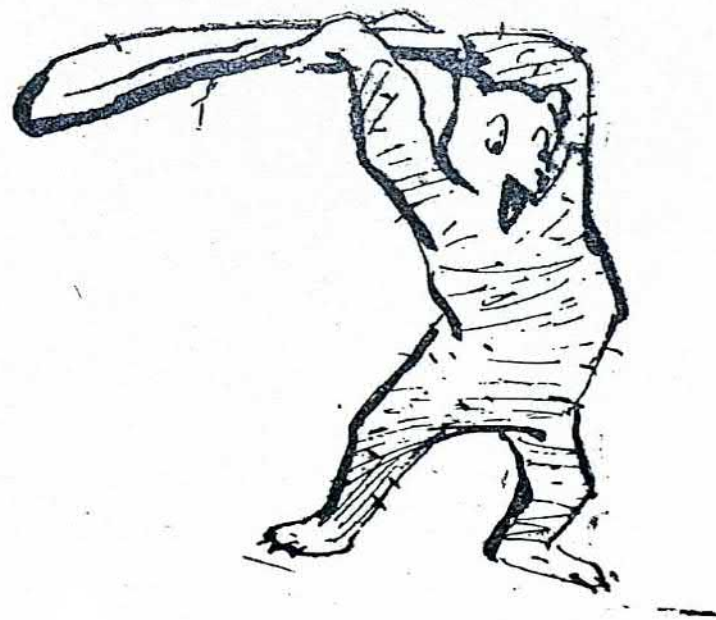
— Так, так, так! — подтвердил дятел.

— Ко-лоть, ко-лоть! — завертелись синицы.

— Ты уж постарайся, Михалыч, — попросил рассудительный еж. — Только тебе, с твоей медвежьей силой, со льдом справиться!

— Выручай, Мишенька, — взмолились звери и птицы, — иначе зима всех изживет.

— Ладно, — рявкнул медведь. Выломал дубину стое-росовую и на реку. Как хватит по льду со всего размаха — только брызги летят, трещит лед, подается. Жарко медведю становится. Хоть шубу снимай.

— Ага-га! — ревет медведь. — Сдаешься, зима лютая! Еще раз! Разом-раз!

— Ну, теперь зиме конец — ишь, как он ее дубасит! — говорит лиса. — А кто вас уму-разуму научил? Не я ли вас надоумила?

— Ты-ты, так-так! — застучал дятел.

— Хит-рит, хит-рит! — затараторили синицы.

— Зачем спорить? — успокоил их еж. — Если к лисьей хитрости да медвежья сила — тут никакая зима не устоит!

Пусть они всегда так вместе действуют!

Но рано лиса с медведем славу делила. За ночь, пока умаявшийся мишка спал, мороз снова реку сковал. Завыла метель, над птицами и зверями насмехается: «Хороша медвежья услуга!» Рассердился медведь и на другой день опять на реку с дубиной вышел.

Проходил берегом человек и подивился на медвежий труд.

— Для чего это Толтыгин лед колет? Погреба, что ли, набивать подрядился? — спросил он у пролетавшей мимо трясогузки.

— Лед колет, зиму гонит, — ответила птица.

— Зачем его колоть? Дай срок — он сам расколется и вниз уплывет.

— А когда это будет?

— Когда день станет больше ночи, вот тут и жди половодья. Как ни упорствуй зима, а если день четырнадцать часов, тут уж ни одна река не устоит.

Запомнила эти слова трясогузка да скорее в лес. И давай похвально:

— Хоть я птичка-невеличка, а ловчей медведя могу с зимой справиться.

— Как же ты это сделаешь? — удивились звери и птицы.

— А вот хвостом. Сяду на лед и весь поколю!

Трясогузку на смех подняли:

— Да полно тебе. Не твоим хвостом устраивать ледолом!

— А вот поколю, весь поколю! — не унимается птица. — Дайте срок, подождите, так кусками вниз и поплывет!

Не верили звери, а пришлось ждать: медведь опять со льдом не справился.

Прошло немного времени, спрашивают трясогузку:

— Может, ты действительно лед расколншь?

— Захочу — расколочу, а не захочу — так и будет стоять, все на свете студить! — важничает трясогузка, а сама соображает: стал ли день больше ночи?

И вот однажды по лесу разнеслось:

— Приходите все к речке. Трясогузка будет хвостом лед колоть!

Удивительно, не верится, а все же собрались.

А трясогузка сидит на льду и хвостиком покачивает.

Дождалась, когда побольше лесных жителей собралось, и пищит:

— Смотрите, как я его!

Тюк хвостиком по льду, тюк! Даже грохота нет, так только перышками касается. Но вот показалось из-за леса солнце, и вдруг — о, чудо! — лед на реке надвое расколосся. Трясогузка вспархивает, хвостом об лед бьет, а он колется, ломается. Река бурлит, льдины подхватывает. Весенний ветер их гонит. Теплом веет.

Обрадовались звери и птицы. Славят трясогузку: «Вот так невеличка! Мала да сильна!»

А трясогузка щебечет:

— Ах, смешные звери вы, что мне не верили. Я ведь ледоломка — лед мне, что солонка!

С тех пор и пошла молва, что трясогузка весне помо-

гает, хвостом лед разбивает. А она, проказница, стала осенью в жаркие страны улетать; вдруг попросят звери и птицы среди зимы лед расколоть! Не сможет, опозорится.

А только весной запахнет и лед вот-вот сам расколется, трясогузка возвращается с юга и спешит на речку. Бегаёт по льду, хвостом по нему стучит. Вертит головой: смотрите, мол, какая я чудесная птичка! Какая в моем хвосте сила таится!

Люди задорную хвастунью любят, проделки ее знают и в шутку зовут «трясогузка-ледогонка». Даже примета такая есть: как трясогузка на льду замечена — быть скорому ледоходу.

ПОЧЕМУ КОЗОДОЙ СКВОРЦУ НЕ ПОВЕРИЛ

азные в лесу случаются истории. Если бы люди могли понимать зверей и птиц, сколько бы всяких рассказов услышали они. Особенно шумно в дубравах и рощах весной. Птицы наперебой щебечут о том, как счастливы они, что, наконец, снова вернулись из дальних стран к себе на родину.

А где же их родина? У них, как и у людей, родные края там, где они впервые увидели солнце, научились летать. Они потому весной так и спешат к нам, чтобы скорее свить гнезда, отложить яйца и вывести птенцов. Ведь многие птицы в чужих странах даже и гнезд не выют.

Вот как-то весной птицы снова вернулись на родину и принялись строить хатки. Ни рук и них, ни топоров. А зато строители — птицы, что твой плотник. И каждая старается, чтобы у нее домик лучше да красивее других был. Ласточки-береговушки подземные дворцы возводят, дятлы в сухостойном

дереве комнату выдалбливают, а сорока-белобока вплетает свое гнездо в развилке ветлы, а поверх него сучочков наложит. Совсем как домик, да еще и с крышей.

Когда птицы свили себе гнезда, устлали их мягким и теплым пухом, отложили в них яйца и стали ждать появления маленьких птенцов.

В это время в лес забрел мальчуган. Даже птицы замолкли, увидев его. Он шел, не разбирая дороги, топтал грязными сапогами нежные цветы, ломал хрупкие побеги молодых деревьев, а заметив птиц, принимался гоняться за ними. Только где же ему поспеть за шустрыми птахами. Только взмахнут крыльями и поминай, как звали.

Долго он так гонялся. В лесу уже сумерки наступили. Разозлился тогда мальчишка и говорит:

— Ну погодите, доберусь я до вас. Всем хвосты по-выдержваю.

И тут он увидел перед собою гнездо.

— Ага, — обрадованно закричал мальчишка, — уж оно-то от меня не улетит!

Подбежал он к гнезду, а в нем яички лежат. Только он хотел одно взять, как у куста козодой появился. Это его гнездо было. Стала птичка кружить над головой своего врага, а тот палкой от нее отмахивается, а другой рукой гнездо с ветки стаскивает. Потянул посильней и разорвал пополам. Упали яйца на землю да и разбились. А в них уже маленькие птенчики были. Так и погибли все. Вот какое несчастье принес маленькой птичке злой мальчишка.

Совсем опечалился, загрустил козодой. Жалко ему своих птенцов. Кого же он теперь летать научит, кого любить станет? Всем птицам козодой жаль, даже не поют они. Тихо, печально стало в лесу.

— Свей себе новое гнездо, — посоветовал козодой соловей, — мы тебе все поможем. Будут и у тебя птенцы.

Нечего делать козодой, пришлось снова гнездо вить. Спасибо еще соседи помогли. Быстро управился. А вскоре в гнезде и яички появились.

Все бы хорошо, только козодой совсем пугливым стал. Повстречал его как-то днем скворец и подивился:

— Ты же у нас ночная птица?!

А козодой молчит, только глазами со страху хлопает. Видно, здорово его кто-то перепугал.

— Да ты никак и язык проглотил, — говорит скворец.

Тут только козодой в себя пришел. Приоткрыл рот, чтобы отдышаться, а в нем яйцо лежит.

— Ну и ну, — подивился скворец, — ты никак яйца у соседей таскаешь.

— И что ты выдумываешь, — обиделся козодой, — мой это. Я их в другое гнездо переносу, прячу.

— От кого?

— Как от кого? От людей. Кто мое гнездо разорил, помнишь? А теперь их вон сколько по лесу ходит. Они и в мое гнездо заглядывали. Вот я и прячу яйца от беды подальше.

— Чудной ты, — рассмеялся скворец, — да это же юннаты. Разве они птиц обидают? Полюбовался бы ты, какой они мне возле своей школы дворец на березе выстроили.

— Так я тебе и поверил, — ответил козодой, — поищи простака в другом месте.

Сказал так и полетел своей дорогой. А скворец долго потом думал, почему это козодой ему не поверил?

КАК УТКА ЛИСУ ВЫЛЕЧИЛА

ахотелось однажды лисе утиного мяса попробовать. Да вот как поймать ловкую дикую утку? На лету не схватишь, на воде не достанешь.

Думала-думала лиса и решила взять хитростью. Пришла на берег, увидела, что утка по озеру плавает, притворилась, будто ноги у нее отнялись, и причитает:

— Уточка - красавочка, лаковый носок, кругленький глазок, помоги мне, бедной, до деток добраться. Ноги мои совсем ходить отказались. Пропаду я тут на болоте.

Услышала утка, подплыла к берегу. Но на землю не выбирается: знает, мастерица лисонька зубы заговаривать.

— Помоги, уточка, сделай милость. Век тебя помнить буду, защитницей твоей стану.

Задумалась утка. А почему бы ей с лисой не подружиться? Плохо ли под ее охраной по траве-мураве с утятами погулять! «Дай-ка я проверю, не врет ли она». И прокричала:

— Я бы рада тебя выручить... Я болезни лечить умею... Пиявками, например... Только вот с лисами встречаться не приходилось. Покажи-ка, как ты раньше бегала, тогда и подумаю, смогу ли я тебе помочь.

Обрадовалась лиса, что верит птица ее обману, встала на все четыре лапы и давай сигать и так и этак.

— Ха-ха-ха, как ты ловка, — засмеялась утка. — Вот так и беги до своих деток! — И уплыла в камыши.

ОЛЕНИЙ ЗАВЕТ

Много в ту пору в лесах было быстроногих оленей.

Они жили большими дружными семьями. Олени резвились на лесных опушках, затевали шумные игры. А если случалось, что на них нападали волки, то собирались все вместе и прогоняли серых разбойников. Так длилось долго. И ни разу между оленями не возникало ссоры. Разве могут спорить брат с братом?

Но вот наступила зима, да такая снежная, что все кругом скрылось под большими сугробами. Оленям трудно стало добывать мягкий и вкусный мох. Приходилось долго разгребать копытами снег, чтобы достать пищу. Тогда и возник между оленями спор.

А долго ли спорящим до драки?
Не поделили два оленя добытый ими мох. Они были голодны, и каждому хотелось взять больше. Начался у них из-за этого бой.

Долго дрались братья на лесной опушке. Они сшибались рогами, и далеко разносился по залагам сухой треск. И хотя у обоих глаза были полны слез, они дрались, не переставая. Наконец, один из них выбился из сил и упал мертвым на красный от крови снег.

Тут только понял победитель, какое он совершил зло. И не стала ему радостна эта победа над братом. Он растоптал выкопанный мох, разбежался и сломал об де-

рево свои красивые ветвистые рога. А потом обессиленный пошел, качаясь, в глубь леса.

Это было в середине зимы. Много с тех пор прошло времени, но олени и сейчас помнят тот случай. И в день, когда брат убил своего брата, все олени сбрасывают рога. Безрогие — не соперники. Среди них нет места вражде.

Таков олений завет.

ГОСТЕПРИИМНЫЕ КУЛИКИ

лучилось со стрижом несчастье. Вернулся домой с далекого юга, а его глиняной хатки нет. Обвалило берег весеннее половодье, стрижу и переночевать негде. Загрустил бедняга: ведь новый домик не скоро выстроишь, умел бы — так заплакал!

Узнали о горе стрижа птицы. Пожалели соседа и пригласили к себе жить. Только одна кукушка не жалела. Она ведь никогда гнезда не вила и удивлялась, почему стриж печалится.

— Зачем тебе свой дом, когда можешь переночевать в любом?

— Да я не о себе — о детях беспокоюсь. Как же я их воспитаю без своего гнезда?

Смутилась кукушка. Не стала рассказывать, как она своих детей в чужие гнезда подбрасывает, и скрылась в чаще.

Пожалели стрижа кулики. Слетелись, зовет всякий к себе, и каждый свое болото хвалит.

Прислушался хитрый воробей, которого на мякине не обманешь, и прочитал:

— Ой, не торопись, стриж! Не покидай родного берега, не меняй реки на болото! В гостях хорошо — дома лучше, это я от людей слышал!

Подумал стриж и решил проверить хваленые болота, слетать к куликам в гости.

Прилетел к первому кулику. Видит — трясина кругом, да мелкий кустарник-багульник на кочках растет. Кое-где вода мхом прикрыта, так и утонуть не долго. Кулику хорошо, у него ноги длинные, ему везде болото по колено. А стриж попробовал опуститься, да чуть в тине не завяз, еле выбрался.

Хотел на кусте отдохнуть, да ветки жидкие, так к воде и гнутся, словно сбросить с себя хотят.

Летал, летал стриж над болотом, уставать стал. А кулик бегаёт внизу да все похваливает:

— Видишь, красота какая! Где ты лучше найдешь? Тина жирная, червяки в ней толстые.

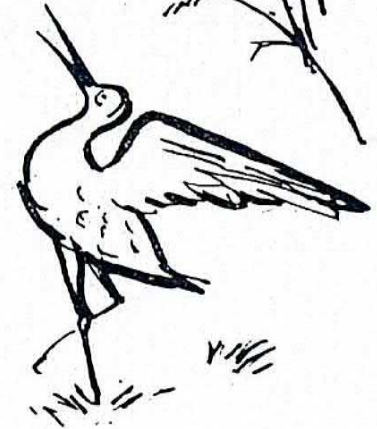
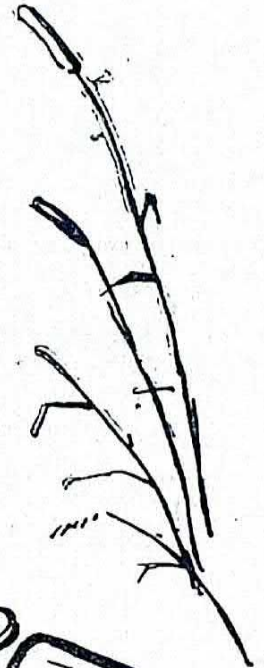
Стрижу неудобно кулика обижать, он и говорит:

— Да, не плохо у тебя, но мне хочется и у твоего соседа побывать.

Распрощался он и полетел на другое болото. А кулик уже его поджидает, возле гнезда ходит. Увидел стрижа, что и здесь только тина да трясина кругом, и не знает, что делать. А кулик как заметил его, так и закричал:

— Я говорил, говорил... Смотри, какое раздолье-приволье. Видишь, сколько старых гнезд в сухой осоке, занимай любое!

— Спасибо, — схитрил стриж, — я у твоего соседа

остановился, у него старые гнезда еще лучше, все пухом выстланы.

А сам взвился — и к родному берегу. Смотрит, а все его друзья и знакомые в обрыве над рекой норки копают, новые жилища строят.

Принялся за работу и стриж. И клювом бьет, и лапками гребет, и крыльями себе помогает. Выстроил новый домик. И детей в нем вывел. И вместе с ними на юг улетел. И снова вернулся. С тех пор ему, как и каждому стрижу, гнездо, самим построенное, всегда милей чужого, готового.

КАК ВОРОНА ПРОВОРНИЛА

Захапущее вороны, пожалуй, и птицы нет. Что ни увидит, все тащит. Даже на падаль бросается. А если не найдет ничего, то заберется куда-нибудь повыше и

каркает от злости на всех.

Однажды ворона ухитрилась даже юркую ящерицу поймать. Вот уж у нее радости-то было. На весь лес так бы и расхвасталась. А кричать-то нельзя. • Клюв занят. Закричишь, добычу упустишь. Только и осталось, что от радости крыльями хлопать.

— Что это ты, соседка, расшумелась? — поинтересовался у вороны дятел.

А та знай себе помалкивает, лапой на клюв показывает, смотри, мол, какая добыча!

— Видно, не зря говорят, что пуганая ворона куста боится, — рассмеялся дятел, — да ты возьми ее лапой за хвост, что ее в клюве-то держать. Куда она денется?

«И то дело, — обрадовалась ворона, — а то ведь так никто про мою добычу и не узнает, если сама промолчу».

Выпустила она ящерицу из клюва и лапой ей на хвост наступила. А зверюшке только этого и нужно было. Дернулась она посильнее, юркнула под прошлогоднюю листву и нет ее. У вороны под лапой только маленький кончик хвостика остался.

— Как? — вскрикнула ворона.

А вот так. Никогда не пытайся ящерицу за хвост удерживать, обязательно проворонишь!

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ

то было тихое лесное озеро. По берегам его стояли дубы-великаны, которые охраняли водную гладь. Они даже шаловливому ветру не позволяли волновать озеро. У самой воды рос тростник. Возле него любили отдыхать утки, а на берегу жили мыши. Только они и нарушали иногда лесную тишину. Утки устало опускались в тростник, а мыши с писком бросались в разные стороны и шуршали прошлогодней листвой. Тростник сердился на них и ворчливо шумел.

Жили на озере и чудесные лебеди. Они медленно плавали вдали от камыша, а иногда подплывали к берегу. Мышам всегда казалось, что белые

птицы смотрят на них, на то, как они проворны. Но лебеди любовались белой лилией, которая цеплялась своим стебельком за самое дно. Ее нежный цветок всегда был над поверхностью воды и, отражаясь в ней, привлекал взгляды лесных и озерных жителей.

— Как она хороша! — восхищенно шептали друг другу лебеди и низко склоняли головы, приветствуя лилию.

Лилия в ответ приветливо улыбалась и еще более раскрывала лепестки.

Когда мыши случайно подслушали, о чем говорят лебеди, они очень рассердились и поклялись отомстить белой лилии.

— Я сегодня поплыву к ней, — проговорила самая коварная серая мышь, — и отпрызу ее от стебля. Вот тогда лебеди сразу заметят нас.

И, хотя ей еще никогда не приходилось плавать, она, не раздумывая, бросилась в озеро. Воде это очень не понравилось, и она захлестнула ее волной. Еле живой выбралась мышь на берег.

— До лилии не доплывешь, — чуть отдышавшись, сказала она своим сестрам, — я чуть не захлебнулась.

— А как же быть? — забеспокоились мыши.

— Придется нашу сестрицу летучую мышь просить, — ответила серая, — уж она-то ее достанет.

Летучая мышь жила в темном дупле недалеко от озера. К ней и пришли грызуны за помощью.

— Лети, уничтожь ее, — пищали они.

— Сейчас день, а я только по ночам из дупла вылетаю, — ответила летучая мышь. — Ждите, когда темно станет.

Их разговор услышала белочка. А ведь она знала и любила белую лилию. «Неужели безобразные мыши погубят нашу лилию?» — забеспокоилась белочка. И, прыгая с дерева на дерево, заторопилась к лесному озеру.

Но как же ей добраться до лилии? И белочка стала звать лебедей. А когда те подплыли к берегу, поведала им о мышином заговоре.

— Не тревожься, — успокоили птицы белочку, — мы предупредим лилию.

Лебеди все рассказали лилии, и она сразу стала печальной.

— Что же мне делать? Наступает вечер и скоро прилетит эта мышь...

— Не бойся. Мы придумали, как поступить тебе, — заговорил старший лебедь, — летучая мышь выбирается из дупла только ночью. Как будет темно, ты спрячешься в воду, и она тебя не заметит.

— Я так и сделаю, — обрадовалась лилия.

Когда наступила ночь, летучая мышь низко закружила над озером, высматривая белый цветок. Но его нигде не было.

«Кто-то меня опередил... — подумала летучая мышь, — ну и хорошо, а я скажу, что сама это сделала».

И она полетела к берегу. Мыши терпеливо ждали ее в камыше.

— Нет больше лилии! — гордо заявила летучая мышь.

— Уже? — удивилась серая мышь. — Так скоро?

— Не веришь? Садись на меня и сама посмотришь.

Летучая мышь снова полетела над озером. На спине у нее сидела серая сестрица. Как ни смотрела она на воду, цветка нигде не было.

Всю ночь мыши праздновали свою победу.

А утром, как только летучая мышь спряталась от солнца в свое дупло, белая лилия спокойно всплыла на поверхность, еще более прекрасная, сияющая от лучей солнца, блестя капельками воды. К ней опять приплыли красавцы-лебеди.

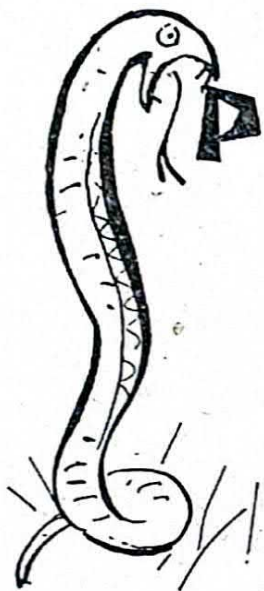
Мыши, увидев это, запищали от негодования, а потревоженный камыш зашумел. Они снова побежали к дуплу своей летучей сестрицы. Но ведь она летает только, когда темно...

Теперь летучая мышь каждую ночь кружит над лесом, над водой, и если увидит белое, то сразу хватается острыми когтями. Но лилию ей найти не удастся.

Стоит только солнцу опуститься за горизонт, лилия прячется в воду. А утром, с первыми лучами солнца, белый бутон снова появляется на зеркальной глади озера и радостно раскрывает лепестки, отвечая на приветствия лебедей.

ПОЧЕМУ ЕЖ И ЗМЕЯ ВРАГАМИ СТАЛИ

ассказывают, в незапамятные времена еж и змея-гадюка были друзьями. А подружились они потому, что однажды храбрый ежик выручил змею из беды.

Никто не любил гадюку. Уж слишком она была зла и коварна. Подумать только — прокрадывалась в птичьи гнезда, пролезала в беличьи дупла и пожирала птенцов и детенышей! И только ежика и его семейство не трогала, потому что жили они под одним пеньком и еж часто приглядывал за домом гадюки, когда та уходила на добычу. Да и опасалась змея острых ежовых иголок.

И вот однажды рано утром услышал еж у своего порога тихие стоны. Он открыл дверь и увидел гадюку, всю избитую и истерзанную. Ее кожаная одежда была изорвана, на ней виднелись следы когтей. Видимо, неудачной оказалась утренняя охота на чужих детей, сама еле живой приползла. Но змея схитрила и сказала, что упала с обрыва и разбилась.

— Помоги мне, — жалобно зашипела она.

Еж сжалился над гадюкой и пустил ее в дом. Потом он свил из паутины крепкую нитку, вытащил у себя иголку и починил змеиную кожу.

С тех пор они и подружились. Змея часто заползала к ежику в гости, и он захаживал к ней. И, покоренный ее мудростью, не верил, будто она способна поедать беззащитных детей.

И когда у него появились детеныши, решил пригласить ее нянькой. Змея задумалась и сказала:

— Я бы с удовольствием покачала и понежила твоих деток, дружок, да боюсь наколоться!

— Что ты, кумушка, — они же родились совсем го-

ленькие, иголки у них потом вырастут. Не бойся, хоть целуй, не уколешься!

Смекнула змея, что можно ей полакомиться, и притворилась доброй:

— Хорошо, иди по лесным делам, а я с твоими детками позабавлюсь...

Еж отправился в лес набрать сухих прошлогодних листьев для детских постелек, оставив гадюку нянькой.

Змея только этого и ждала. Изловчилась, раскрыла пасть и проглотила всех ежат одного за другим. Наелась так, что даже из гнезда уползти не успела, тут же заснула.

Вернулся домой ежик, гадюка-нянька спит с раздувшимся брюхом, а маленьких ежат и в помине нет!

Догадался простак, куда они девались, фыркнул, взъерошился, да как хватит змею за горло:

— Отдай моих детей, гадюка!

И как начал ее трепать, так всех ежат из брюха, как из мешка, и вытряс. Глотала-то она их, не прожевывая, все живехоньки оказались.

Очнулась змея и шипит, язык высунув:

— За что ты меня, куманек? Почему рассердился, разве я плохой нянькой была? Всех твоих деток в теплую люльку прибрала! Такие они маленькие, такие слабые, такие голенькие... Чтоб не простудились, спря-

тала я их в свой живот... Спасибо сказать бы надо, а не драться! Невежа ты, еж!

— Нет, — сказал еж, — меня не проведешь. А чтобы других не обманывала, помечу я подлый твой язык!

Вытащил самую крепкую иглу да пришил ее язык к земле.

Долго извивалась, шипела гадюка. Понатужилась, дернула и разорвала надвое язык.

С тех пор вот так и ползает. На весь свет злая, а на ежа в особенности.

Если встретите змею с раздвоенным языком — опасайтесь: это гадюка!

ПРО МУХ-ГРЯЗНУХ И ПАУКА-ХИТРЕЦА

Это было в незапамятные времена, когда на мух никакой управы, кроме пауков, не было. Ни липких листьев, ни мушиной отравы. Всюду грязнухи летали, везде садились, все грязными ногами пачкали. И назойливы были — как мухи.

Так обнаглели, что решили всем светом завладеть. И даже паука из темного угла выгнать.

Жужжат над ним целый день. Ведь известно, что и одна муха так прожужжит ухо, что голова заболит. А когда их много? От мушиной докуки убежишь куда глаза глядят.

Но как ни старались мухи, паук спит себе, посыпает.

Почему на него не действует? Что он глухой, что ли? Да, да, выяснили мухи, у паука совсем ушей нет. Так глухим и живет.

Ну, с глухим-то справиться легче.

И вот подговорили мухи осу убить паука. Жало у нее острое, ядовитое. Долго ли ей подлететь, когда он спит, да и проткнуть глухого как шпагой. Вот уж тогда мухам будет раздолье.

Нашли осу и зажужжали ей:

— Осонька-оса, желтая полоса, умница, красавица, помоги нашему мушиному царству паука убить, а мы тебя всегда будем на сладкое наводить! Вон он в уголке спит.

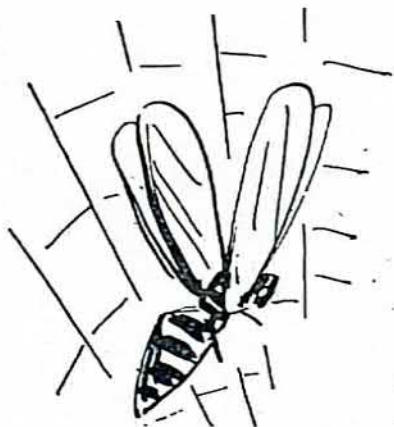
Пригляделась оса. — она не прочь любой букашкой позавтракать, — и говорит:

— Не подкрадусь я к нему, у меня очень громко крылья жужжат!

— Не бойся, он не услышит, у него ушей нет.

— Ах, так, — сказала оса, — вот мы сейчас! — Почистила лапками жало и — вжжик прямо на паутину! Опустилась, как вертолет, и словно по коврику к пауку пошла.

Тихо, бесшумно, только паутинка качается.

А паук вдруг как проснется, да как выскочит ей навстречу, да как забегаёт вокруг. А сам паутину на нее так петлю за петлей и накидывает.

— Ай-ай-ай! — запищала разбойница-оса. — Зачем ты меня запутываешь, пусти!

Забилась, приложила всю свою силу и едва выкрутилась.

Шлепнулась на землю, никак не опомнится.

Слетелись к ней мухи. Подняли шум. Как это она с пауком не справилась? Отчего растерялась?

— Пошли прочь! — загудела оса. — Все вы обманщицы! Какой же он глухой? Сразу меня услышал и чуть-чуть не поймал. Нет, больше я к нему в гнездо не полезу. И детям своим не велю.

Огорчились мухи.

И до сих пор не понимают, как это паук без ушей, а слышит. Стоит его паутинки коснуться — он тут как тут!

Грязнухам и невдомек, что паук, когда спит, всегда одну сторожевую паутинку от себя к сетке протягивает. Стоит кому-нибудь на паутину сесть, она колыхнется, и эта ниточка его дернет. Паук встрепнется. И тут уж незваному гостю не сдобровать.

Глухой, глухой, а хитрый.

КАК МЫШИ НА СОВУ ЖАЛОВАЛИСЬ

Ольготно жилось мышкам-полевкам: не пахали, не сеяли, а ели самый лучший пшеничный хлеб. Выберут спелый колос, подбегут к пшеничному стеблю, перекусят его острыми зубами и грызут зернышки. И никто им не мешал, пировали они ночью, а днем спали — стдыхали в своих норках.

Долго так было. Пока не появилась сова. Крылья у нее мягкие — летит бесшумно. Глаза большущие и в темноте видят лучше, чем при свете. А когти у совы специально на мышей приспособлены, как крючки, уж если попадется — то не сорвется.

С тех пор не стало мышам житья. Кружит по ночам над полем сова, зорко на землю поглядывает, мышей высматривает. Грызуны спрятались в норы и нос боятся высунуть. А кто осмелится стебли подтачивать — в когти к сове попадет.

Много мышей сова изловила.

Загрустили грызуны, призадумались. Собрались в нору к старой-престарой мышке на совет.

— Как быть? Как от совы спастись?

— Надо у людей помощи просить, — надумала старая мышь, — они найдут на сову управу.

Верно.

Был у них знакомый человек, старый дед, ночной сторож колхоза. Мудрый, добрый старик. Мухи не обидит. Они спят ночью, а он отсыпается днем...

Вот явились к нему мышинные делегаты жаловаться на сову.

— Будь справедлив, рассуди, дедушка!

— Хорошо, — позевывая, сказал старик, — ежели выберете меня судьей, что ж, рассужу.

Устроили мыши выборы. Оказали честь старику единогласно.

Усмехнулся дед, погладил бороду и сказал:

— Ну, докладывайте, истцы, а где ответчик?

— Да вот она, сова, над нами летит.

— Хорошо! Только уговор: к чему кого присужу, то и будет.

— Согласны! — пропищали мыши.

— По каким же законам вас судить, по звериным или по человеческим?

— По человеческим, где больше справедливости!

— Хорошо. Пусть так и будет. Эй, сова, почему ты мышей губишь? Скажи!

— Потому, что они бездельники!
 — Так что вы на это скажете, мыши?
 — Мы не бездельники, мы тоже трудимся.
 — Это когда же? Что-то не видал я вашего труда.
 — Как же вы не видали, дедушка-судья, ведь когда мы едим — мы жуем, челюстями шевелим, зубами работаем!

— Нет, мыши, нет. Еда — это не работа! Не трудитесь вы. А кто не трудится, тот не ест! Вот вам людской закон. По нему и живите!

Вы — мышки-воришки, а сова — птица работающая, ночным сторожем колхозного добра служит так же, как я!

Топнул валенком, и все мыши врозь. И с тех пор на сову больше не жалуются.

МУРАВЕЙ И ПАУК

ейчас никто из людей не видит, чтобы паук с муравьем дружбу водил. Если они и встречаются где случайно, то бегут в разные стороны без оглядки. А ведь раньше, говорят, паук с муравьем большими приятелями были. Но не поладили, рассорились.

А дело так было. Тащил однажды муравей соломинку, большую, раз в сто больше себя, но даже виду не подавал, что тяжело. Увидел его паук, и завидно ему стало. «Дай, — думает, — я ее выпрошу. Может, и в моем хозяйстве пригодится».

Конечно, он и сам бы смог за соломинкой в поле сходить. Ноги у него длиннее, чем у муравья. Только ведь пауки редко на землю спускаются. Они даже на охоту не ходят, а караулят мух возле своего дома.

— Эй, муравей, — закричал паук, — отдай мне твою соломинку, а себе еще принесешь.

— А ты сам на поле сходи, — отвечает муравей, — там соломки про всех хватит.

— Да видишь, мне некогда, я сети плету.

— Ну ладно, бери, — согласился муравей.

Обрадовался паук. Подбежал к соломинке, приподнял, а тащить не может.

Муравью смешно стало.

— У тебя, видно, глаза завидущие, — говорит он, — а силы-то маловато.

Обиделся паук. Да и как не обидеться: ведь муравей куда меньше его, а с соломинкой легко управляется.

— Не хвались, — говорит паук, — просто я с ней возиться не желаю. А если хочешь, то давай силой меряться.

— Как же мы будем меряться?

— Очень просто. Свяжемся паутинкой, кто кого стащит с места, тот и сильнее.

Согласился муравей. Взяли они нитку паутины, завязали концы вокруг поясов и стали тянуть. Тянули, тянули, паук

сдавать стал, еле держится. Тогда он схитрить решил и ухватился лапами за свои сети.

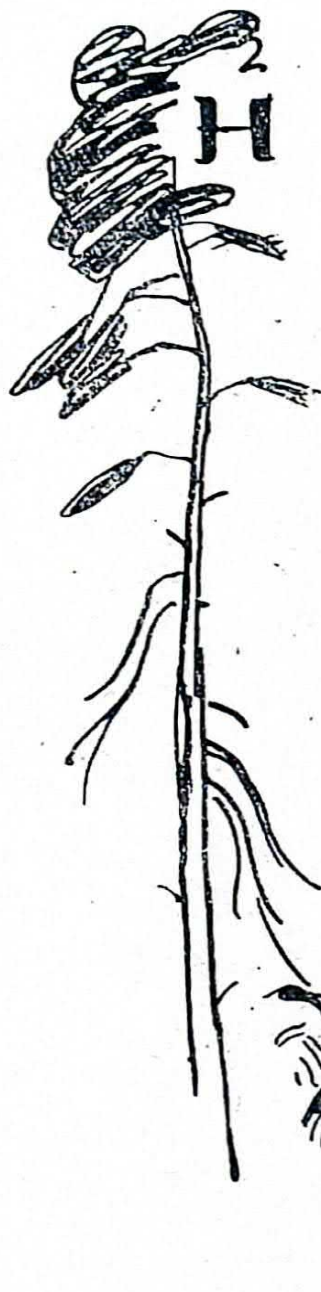
Муравей ничего не заметил, знай тянет. А петля вокруг пояса все туже затягивается, даже в тело впилась. Но не хочет муравей пауку уступить. Собрался с силами да как рванет! Петля его чуть пополам не перерезала. Только паутина не выдержала, лопнула.

Паук почувствовал, что легко стало, и сбежал. А муравей до того петлю на себе затянул, что даже развязать не смог. Так и сейчас с ней бегаёт. С тех пор он и тонок посредине. И паук по сей день с веревкой бегаёт, освободиться от нее не может.

И оба друг на друга сердятся.

ЛЕСНОЙ ДОКТОР

а берегу светлой полноводной реки стоял лохматый хвойный лес. Он был всегда-всегда зеленый, даже зимой. Ведь у сосен и елей хвоя не опадает круглый год. И в любые морозы их игольчатые шубы не вянут.

На опушке леса росла одна особенно могучая сосна. Она была старой и мудрой, потому что прожила на свете больше ста лет и много повидала, много узнала. Молодая поросль вокруг любила слушать таинственный шум ее ветвей, в котором было так много рассказов и сказок.

Старую сосну уважали все лесные жители, и она отвечала им добром. Если начинался дождь, сосна укрывала от него зверей сво-

ими ветвями и не бранила птиц, когда они вили на ней гнезда. Она даже любила нянчиться с маленькими птенцами, укачивая их в гнездах, на ветвях, как в колыбели.

Долго так было. Но вот однажды сырой осенью старая сосна заболела. Она тяжело вздыхала, жаловалась соседкам, что ноет ее древесина под корой, а они не знали чем ей помочь. К зиме сосне стало хуже.

— Нужно позвать доктора, — предложила белочка, — когда люди болеют, они всегда так делают.

Ей было очень жаль добрую старую сосну, которая всегда разрешала порезвиться и попрыгать на своих ветвях.

— Мы не знаем, где доктора найти, — тихо проговорил ежик, который считал, что по иглам сосна ему сродни.

— Может быть, зайца спросить? Он по всему лесу бегаёт.

Позвали зайца. Узнал косой, что с сосной беда приключилась, и говорит:

— У зверей нет доктора, мы все сами лечимся. Вот разве среди птиц лекарь найдется? Я сейчас у клеста узнаю. Он рядом живет.

Поскакал заяц к клесту. Нашел его, а он в гнезде сидит и даже носа не показывает.

— Клест, клест! Старая сосна заболела, чем ее вылечить? — спрашивает заяц.

— А что болит у нее? — поинтересовался клест.

— Ты слетай, посмотри, — говорит заяц.

— Не могу. У меня птенцы маленькие. Замерзнут тут без меня.

Удивился заяц: у всех птиц птенцы летом бывают, а у клеста зимой выводятся. Постоял он возле гнезда, поскакал дальше. Бежит по лесу, через кусты прыгает, торопится. Слышит, на болоте пищит кто-то: «Пи-пи-пее-пее».

«Наверное, гайчка, — подумал заяц, — надо ее спросить».

Разыскал гайчино гнездо. Оно у нее в сухом пеньке устроено, все мягкими пушинками устлано — теплое, уютное.

— Не смогу я сосне помочь, — призналась гайчка, — нужно синицу просить, она известная санитарка.

Побежал заяц к синице. Нашел ее дупло и просит:

— Помоги старой сосне: ей, бедной, нездоровится. Синица не отказалась и полетела за зайцем на опушку.

А сосна совсем загрустила, пригорюнилась, даже ветви к земле склонила. Долго ее синица осматривала, каждую иголочку пощупала и говорит:

— Не могу тебе помочь, я собираю червяков и букашек, которые сверху. А тебя кто-то точит изнутри.

— Как же теперь быть, — заволновалась сосна, — с кем посоветоваться?

— Нужно воробья спросить, — предложила синица, — правда, он сейчас в городе. Воробей — дачник, только летом в лесу живет, а зимой его ищи в городе.

Полетела синица в город. Долго воробья искать не пришлось. Его все городские птицы знали. Да и как не знать, — первый драчун-забияка во всей округе. Узнался, что с людьми под одной крышей живет.

Воробей синицу на крыльце встретил, даже и в дом не пустил, совсем загордился. Не захотелось ему в лес лететь, холода побоялся и посоветовать ничего не смог. Хорошо, поблизости снегирь был. Он и выручил синицу.

— А ты к дятлу слетай. Лучше его доктора не сыщешь. Он даже в город прилетает деревья лечить.

Обрадовалась синица, поблагодарила снегиря и полетела к дятлу. Отыскала его, а он и правда деревья лечит, да еще и молоденьких дятлов своему ремеслу учит.

Выслушал доктор синицу и сразу стал в путь-дорогу собираться. Надел свой черный камзол, и полетели они к сосне.

А она совсем ослабела, едва ветвями шевелит.

Успокоил ее дятел. Надел очки и стал дерево осматривать да клювом по нему постукивать. Постучит, постучит — послушает, как настоящий доктор.

— Тебя жуки-короеды мучают, — говорит он, — не печалься, я с ними быстро разделаюсь.

Отдохнул дятел и принялся за работу. Бегаёт по дереву вверх-вниз и кору долбит. А нос у него длинный, острый. Вскоре всех жуков из-под коры повиытаскал. Сосне даже больно не было.

Закивала она ветвями, радостно зашумела:

— Спасибо тебе за спасение. Совсем хорошо себя чувствую.

Теперь все сосны и ели дятла любят. Видели, как они его шишками угощают?

РАК-МОДНИК

И кто бы мог только подумать, что неуклюжий ленивец-рак — страстный любитель модничать. И живет-то он скрытно, все в норах да корягах, а то и вовсе под камень-валун заберется. А вот в одном камзоле больше года ни за что ходить не станет. Обязательно новеньким обзаведется.

Все началось вот с чего. Как-то забрался рак в свое излюбленное место под старую корягу да и застрял. Конечно, если бы он стал выбираться, как все, передом, то, может быть, с ним ничего и не случилось. Только такая уж у всех раков привычка — задом пятиться. Пятился он пятился, даже не заметил, как зацепился камзолом за острый

камень. Понатужился и разорвал одежду пополам. Так она в коряжнике и осталась. Что делать?

— Плыви к колюшке, — посоветовал раку пескарь, — у них в семье известные мастера. Не то что мы. По норам не живут. Хаты себе ставят.

Добрался рак к колюшке. Хата у нее и правда хороша. Два крыльца — для входа и выхода.

— Могу и за камзол взяться, — проговорил колюшка-самец, выслушав рака, — только боюсь не ужогу. Не понравится тебе одежда, плетеная из водорослей.

— Да, такая мне не по нраву, — отказался рак, — мой-то камзол как панцырь был. А плетеного в коряжнике и на неделю не хватит.

Решил тогда рак сам для себя камзол сработать. Нелегкое это дело, да еще когда за него такой ленивец берется. Хотелось раку, чтобы одежка была ни велика, ни мала, а впору.

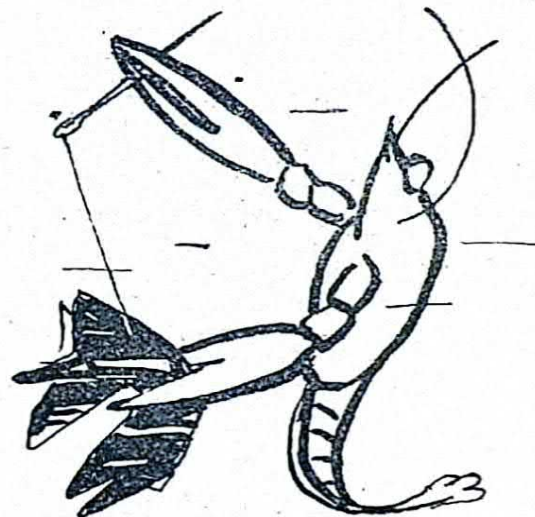
Долго рак с камзолом возился. И вот как-то выбрался из-под камня в своей обновке. Не дурно ее сработал,

прочно. Только тесновата малость. Пока кроил, да тачал — вырос.

Рак только год в новом камзоле и пофорсил. Мала стала обновка. Пришлось за новую браться. Так и повелось — что ни год, то новый камзол тачает.

— Ну и модница наш рак, — удивляются рыбы, — ежегодно одежду меняет.

А ведь рак модник-то поневоле. Тесен ему становится старый камзол, вот он и берется за новый.

КЛЕСТ И ДЯТЕЛ

Как-то осенним утром на лесную опушку вышли школьники. Все вокруг сразу же огласилось их радостным смехом, веселыми шутками. Еще бы! При виде такой красоты развеселятся и взрослые, не только дети. Хотя лес и обронил свое одеяние, зато под ногами настоящий ковер из желтых с красными подпалинами листьев. Ступишь вперед, ковер шуршит, а ноге мягко-мягко. А над головой чисто-чисто. Солнце яркое-яркое, и, как опавшие листья, чуть-чуть красновато.

— Смотрите, цветы! — изумилась одна из девочек, показывая на край опушки, где виднелись заросли бузины.

Цветы? На бузине? Поздней осенью?

— Чур, мол! — громко закричала девочка.

А цветы с белыми и густо-розовыми лепестками вдруг вздрогнули, сорвались с веточек и исчезли.

— Да это же снегири, — пояснил учитель, — их часто называют зимними цветами леса.

— Ой, смотрите, елочки! Да какие крохотные, — проговорила другая девочка, — кто их здесь посадил?

— Птичка-лесовод, — ответил учитель.

— А разве есть такая?

— Есть. Дятла знаете? Это его работа. Он шишками питается. Только все семечки не ест. Много и по сторонам раскидывает. Из этих семян и вырастают новые елочки. Вот, видите, дятел над нами летит...

Услышал дятел эти слова и рассказал клесту, как о нем люди отзываются.

А тот и говорит:

— Разве только ты один — друг леса? Я тоже шишками питаюсь и сам немало вокруг семян разбросал.

— А я все-таки больше. Для такого дела у тебя клюв короткий.

— Короток, да остер, как ножницы, не то что твое золото.

Долго бы им так спорить, не подоспей к ним синица. Ей, шустрой, до всего есть дело.

— На словах-то все хороши, — затараторила она, — все, все. А вы посоревнуйтесь...

И стали клест с дятлом между собой соревноваться, кто больше шишек расшелушит. Дятел, конечно, изо всех сил старался. Ведь клест куда меньше его, чуть только воробья побольше. А вдруг перегонит. Засмеют все в лесу.

Дятел клювом, как клещами, орудует. Зажмет шишку и отламывает от веточки. Вылущит одну и за другую принимается.

И клест отстать не желает, так и стрижет шишки клювом — ножницами. А семена из-под чешуек, как пинцетом достает.

Когда устали птицы, решили проверить, кто больше сделал. Да сразу же и запутались. Попробуй-ка отличить, чья шишка на земле валяется.

— Так совсем не годится, — заговорил клест, — будем рвать шишки по-разному. Ты их совсем от ветки отрываешь, а я с зеленой веточкой.

Согласился дятел. Стали они опять соревноваться. Так по сей день этим делом и заняты. Можете сходить в лес. Сами увидите.

А кто же из них больше другого сделал? Посчитайте сами упавшие шишки. Но: помните, дятел шишки, как и прежде, рвёт, а клест обязательно с заметкой, с зеленой веточкой.

8 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕРХНЯЯ ВОЛГА»

1964